

Императорские гвардейцы, одержав победу, были весьма довольны собой, но не успели отправить срочную депешу с восьмисотли, чтобы «доложить о боевых заслугах» Второму высочеству, как генерал Жун уже вспылал!

Услышав, что группа мастеров также следит за семьей Е, генерал Жун подумал, будто кто-то замышляет что-то против его дочери, и от волнения начал нервно тереть руки и судорожно двигать ногами.

С трудом дождавшись глубокой ночи и убедившись, что жена крепко спит, генерал Жун тайком поднялся, надел доспехи, взял алебарду и лично повел отряд назад.

Однако стычка не стала серьезной: в самом начале схватки обе стороны поняли, что имеют дело не с простыми людьми.

Генерал Жун поспешил раскрыть свою личность.

Услышав, что перед ними стоит командующий охраной третьего ранга, императорские гвардейцы, конечно же, не могли себе позволить его обидеть; они покорно склонили головы и вежливо представились.

Узнав, что перед ним люди из Южного карательного ведомства, генерал Жун подумал, что сам император вмешался в его семейные дела, и от страха даже расплакался.

Он с шумом упал на колени, обратившись лицом на север, и, поклонившись в сторону императорского дворца, начал каяться, смутно упоминая о своих позорных поступках, совершенных более десяти лет назад.

Гвардейцы, стоявшие сзади, переглядывались, не зная, как уговорить старого генерала встать, но не решались заговорить.

Генерал действительно слишком преувеличивал могущество императора. Даже если бы тот и узнал о происходящем, разве стал бы он тратить время на такие мелкие дразги?

Но гвардейцы не могли сказать, что действовали по приказу Второго высочества, и, чтобы скрыть его цели, могли только молча наблюдать, как генерал Жун, закончив покаяние, с бледным лицом был уведен своими подчиненными обратно в особняк.

Поскольку это дело касалось происхождения Е Цяо, лазутчики, узнав о случившемся, немедленно отправили гонца в столицу, чтобы сообщить Второму высочеству.

Гу Шэн, выслушав всю историю, не могла скрыть смешанных чувств на лице.

В душе она осуждала генерала Жуна за то, что он за спиной жены совершил такой поступок, и невольно сравнила его со своим отцом, который, как ей казалось, был еще менее ответственным. Не сдержавшись, она воскликнула:

— Эти высшие аристократы все такие...

Цзян Хань, услышав это, вздрогнула, держа в руках чашку чая, и с невинным видом посмотрела на Гу Шэн.

Слова «все такие негодяи» так и не сорвались с ее губ: Гу Шэн вдруг осознала, что рядом с ней стоит императорский аристократ, и, испугавшись, поспешно закрыла рот, едва не прикусив

язык.

Гу Шэн украдкой посмотрела на Цзян Хань и увидела, что та, прищутив свои фениксовые глаза, с мягкой улыбкой ждет продолжения, словно ожидая, осмелится ли она действительно высказаться.

Увидев, что Цзян Хань явно ждет продолжения, Гу Шэн с выражением «я ошиблась» жалобно моргнула, надула губы и, резко сменив тему, продолжила:

— Все такие... не заботятся о своих дочерях! Генерал Жун, в конце концов, отец Цяо, и его забота действительно трогательна...

Гу Шэн старалась изо всех сил показать, что она «добрая, заботливая и легко довольствующаяся» благородная аристократка, но Цзян Хань вдруг фыркнула, поставила чашку на стол и, покачав головой, с улыбкой посмотрела на Гу Шэн:

— Ты хотела сказать, что высшие аристократы все такие негодяи, да?

Гу Шэн вдохнула воздух, с выражением «как ты догадалась?» на лице!

— Неужели ты действительно хотела оскорбить меня? — Цзян Хань, увидев, как Гу Шэн сама себя выдала, не смогла сдержать смеха и невольно протянула руку, словно собираясь ущипнуть ее за нос.

Гу Шэн, увидев, как рука Цзян Хань приближается, покраснела от волнения, с нетерпением думая: «Давай же! Ты, притворщица! Наконец-то не выдержала!»

Но рука Цзян Хань вдруг остановилась; она слегка кашлянула и притворилась, что просто почесала лицо, а ее белая, изящная рука безжалостно исчезла из поля зрения Гу Шэн.

Гу Шэн выглядела разочарованной.

Цзян Хань, увидев ее выражение, почувствовала, как кровь приливает к лицу, и, слегка покраснев, невольно произнесла:

— А Девятое высочество была права, мисс А Шэн, ты действительно девушка с дерзким нравом...

Гу Шэн: «...» Этот мелкий негодяй говорил о ней плохо?!

Она всего лишь чихнула, и Цзян Чэньюэ уже назвала ее дерзкой!

А теперь Цзян Хань, сидя напротив, хотела «действовать», но не решалась, и тоже называла ее дерзкой!

В чем же она дерзкая? Она просто не скрывала свой характер из прошлой жизни перед Цзян Хань.

Возможно, это потому, что в прошлой жизни Цзян Хань была слишком подавлена, всю жизнь сдерживая себя перед лицом давления со всех сторон, и поэтому полюбила девушку, которая не могла скрыть ничего на лице —

ту самую простую, добрую и активную А Шэн.

В прошлой жизни Гу Шэн, хотя и не могла узнать, о чем каждый день беспокоилась Цзян Хань, прекрасно понимала, что именно привлекало Цзян Хань в ней, и поэтому вела себя как чистый лист бумаги.

Цзян Хань, немного подразнив Гу Шэн, снова вернулась к теме:

— Такая судьба мисс Е, можно сказать, стала для нее благословением. Несколько дней назад ее отец и старший брат были призваны в армию генералом Жуном и вскоре отправятся на север, охранять границу, так что они больше не смогут вредить ей и ее матери.

Гу Шэн, услышав это, загорелась глазами, хлопнула в ладоши и радостно воскликнула:

— Это действительно чистый и эффективный способ!

Цзян Хань улыбнулась и добавила:

— Теперь она и ее приемная мать свободны от забот и уже получили приказ вернуться в столицу, чтобы занять должности при дворе.

Гу Шэн тут же встала, слегка поклонилась и ответила:

— Спасибо Вашему высочеству за такое заботливое устройство!

— Не стоит церемоний, — Цзян Хань улыбнулась, ее глаза сверкали.

Гу Шэн сладко улыбнулась, посмотрела в окно и, покраснев, смущенно сказала:

— Каждый год на военных экзаменах мне выпадает честь наблюдать за Вашим выдающимся мастерством, особенно за тем, как Вы, сидя на гнедом коне, поражаете цель на расстоянии ста шагов! Это действительно вызывает восхищение! Жаль, что я, как благородная аристократка, не могу научиться верховой езде и стрельбе из лука...

— Ты хочешь научиться верховой езде и стрельбе из лука? — Цзян Хань удивленно подняла бровь.

Гу Шэн застенчиво кивнула, но тут Цзян Хань с удивлением воскликнула:

— Но почему же А Девятое говорит, что ты каждый раз засыпаешь на соревнованиях по стрельбе из лука?

Гу Шэн: «...»

Даааа! Стрельба из лука такая скучнаяааа! Но я хочу, чтобы ты учила меня личноааа! Дура!

Увидев смущение на лице Гу Шэн, Цзян Хань наконец поняла, что разоблачила ее попытку подольститься, и поспешно встала, улыбнувшись:

— Если у мисс А Шэн есть такое желание, почему бы не поехать со мной на манеж, чтобы развеяться.

Гу Шэн смущенно кивнула, но ее энтузиазм уже почти угас.

Цзян Хань тоже не могла понять, почему, встретив эту девушку, она стала такой неуклюжей, и теперь изо всех сил пыталась исправить ситуацию.

Пока слуга завязывал плащ Гу Шэн, Цзян Хань снова улыбнулась и сказала:

— А Девятое становится все более озорным, любит обманывать и подшучивать над нами, своими старшими братьями и сестрами...

Гу Шэн с трудом улыбнулась, беспокоясь, что Цзян Хань теперь будет держать зло на Девятое высочество, и поспешила добавить:

— Девятое высочество еще маленькое, Ваше высочество, пожалуйста, не сердитесь на ребенка!

Цзян Хань удивилась, затем засмеялась и покачала головой.

Если бы такие мелочи могли заставить Цзян Хань злиться на свою младшую сестру, то несколько лет назад, когда Цзян Чэньюэ каждый день тайком приклеивала ей на спину записки с надписью «Я хочу еще земляного дракона», Цзян Хань уже бы уничтожила эту проказницу.

Гу Шэн, увидев, как Цзян Хань качает головой, снова начала беспокоиться об отношениях между этими двумя императорскими аристократами и серьезно сказала:

— Ваше высочество, честно говоря, за все годы, что я была спутницей в учении, я видела, как Девятое высочество относится к Вам с искренней привязанностью. Пожалуйста, цените эту редкую родственную связь.

Цзян Хань слегка удивилась, затем улыбнулась:

— Ты боишься, что я потом буду ругать А Девятое? Похоже, ты выполняешь обязанности спутницы в учении лучше, чем кормилицы. Даже в таких мелочах ты стараешься защитить А Девятое, слишком уж ты ее балуешь.

Гу Шэн смущенно улыбнулась, думая про себя: «Я не защищаю этого мелкого негодяя! Я защищаю тебя, дурочка! Ни в коем случае не ссорься с Цзян Чэньюэ, мы вдвоем, даже с твоими тремя братьями, не сможем справиться с ней, поэтому нужно лебезить и угождать!»

Затем они вместе вышли и направились к манежу.

Цзян Хань специально приказала принести для Гу Шэн лук в пять доу. Это был лук, который использовал Второй высочество в детстве, и Гу Шэн с трудом могла его натянуть.

У самой Цзян Хань был лук в один ши и восемь доу, который в полной мере требовал силы, равной весу двух Гу Шэн.

Чтобы не смущать Гу Шэн, Цзян Хань специально сменила лук на девятидоуный.

Эта заботливая уступка была для Гу Шэн долгожданной; она с улыбкой посмотрела на Цзян Хань, держа в руках маленький лук, и почувствовала теплоту в сердце.